

Экскурсия для читателей

ИЗМЕНЧИВ мартовский день: только что искрилась в лучах солнца уже по весеннему звонкая капель, но вот загулял в верхушках старых лип колючий ветер, заструилась по дорогам верткая поземка, наметая почти зимние сугробы на балконе дома Чайковского в Клину.

В такую пору хорошо забраться по скрипучей лестнице на второй этаж, в кабинет-гостиную, мирная тишина которой нарушается лишь тиканьем каминных часов. А иногда и оно умолкает, или же это просто кажется, что здесь остановилось время?..

Нет, в Клину оно летело еще быстрее, чем где бы то ни было, ведь с того самого момента, как Чайковский перешагнул порог этого деревянного домика на окраине, и до рокового 25 октября, подведшего черту его жизненного пути, оставалось менее полутора лет, каждое мгновение которых отмеряли эти черные мраморные часы на камине, привезенные композитором из Златой Праги. Но пока...

Вот они пробил восемь раз, и на пороге гостиной появился хозяин дома, уже молодой, но еще бодрый и подтянутый человек. На улице солнечно, а если даже дождливо и пасмурно, все равно оранжевые стеклышки полукруглой верандочки-фонарика, примыкающей к гостиной, создают иллюзию солнечного света. Здесь, на этой верандочке, его уже ждут утренний чай и свежий номер «Русских ведомостей».

Неспешно течет жизнь, размеренно, без суеты. Хватает времени и поработать, и погулять в соседнем лесу. Все окрестности исхожены им вдоль и поперек — с 1885 года живет композитор в этих местах, то в Майданове, то во Фроловском. А Клину недавно ему приглянулся: здесь и от станции недалеко, и шоссе рядом. К тому же пора, давно пора иметь свой кров над головой, а не скитаться по чужим углам. Правда, следует уточнить, что при жизни этот дом Чайковскому не принадлежал — его сдавал композитору в аренду клинский мировой судья Сахаров.

И все же, как бы там ни было, это был свой угол. Здесь среди любимых вещей Чайковский чувствовал себя не «как дома», а дома. С этими фотографиями, книгами, безделушками связано много воспоминаний, приятных и добрых, а подчас тревожных и грустных, стучащихся в сердце с настойчивой постоянностью. Как, например, воспоминания о Надежде Филаретовне фон Мекк, чья фотография стоит на письменном столе. Когда-то, очень давно, она подарила ему миниатюрные серебряные с эмалью тувельки, где выгравированы темы Оксаны, Вакулы, Беса и Дьяна из оперы «Черевички». Они лежат тут же, на письменном столе, и взор Петра Ильича нет-нет и задержится на них, как бы вопрошая: почему? Почему так внезапно оборвалась сердечная дружба, связывающая этих двух уже молодых людей, дружба, питаемая чуть не ежедневной перепиской (1.200 писем написали они друг другу!). Они были близки и дороги друг другу. Как вдруг это прощальное письмо, и никаких объяснений разрыва. Оно не сохранилось в архивах, но о его содержании можно догадаться по ответному письму Чайковского, тоже последнему, где есть такие строки: «Я вас не забывал и не забуду никогда, ибо мысль моя, когда я думаю о себе, всегда и неизбежно наталкивается на вас».

А этот серебряный ларчик будит приятные воспоминания о первом большом успехе, том, что выпал на долю оперы «Опричник».

Еще один подарок — большой, в натуральную величину, бронзовый петух работы французского скульптора Огюста Кюна.

Чайковский восхищался искусством Люсьена Гитри, актера французской труппы, игравшей на сцене Михайловского театра. Однажды, увидев его в популярной в ту пору пьесе «Кин, или Гений и беспутство», где по ходу действия разыгрывается сцена из «Гамлета», Чайковский в порыве восторга пообещал Гитри написать музыку к шекспировскому «Гамлету», если актер согласится сыграть в нем главную роль. Работа увлекла Чайковского, замысел разросся, вылился в симфоническую фантазию «Гамлет», премьера которой состоялась в Петербурге осенью 1888 года под управлением автора. Однако три года спустя Гитри напомнил композитору про его обещание — уезжая из России, французский актер хотел на прощание сыграть Гамлета. Чайковский сдержал свое слово и на основе фантазии написал небольшую увертюру, добавив к ней шестнадцать музыкальных номеров, в основном сочиненных заново. 9 февраля 1891 года на сцене Михайловского театра давали «Гамлета» с Гитри в главной роли.

Возвратившись к себе на родину, Люсьен Гитри пригласил Петру Ильичу этого веселого бронзового петуха.

Покрыта таинственным мраком история, связанная с одной из дирижерских палочек, хранящихся в доме Чайковского. С той самой, на ручке которой выгравировано: «Завещана Чайковскому Гензельту». Сама палочка

по заказу Чайковского оправлена в серебро. Наверное, для того, чтобы к ней никто не прикасался? Но ведь сам Адольф Гензельт, известный немецкий композитор и пианист, никогда не становился за дирижерский пульт. Значит, эта палочка принадлежала кому-то еще. В молодости Гензельт дружил с Робертом Шуманом и Мендельсоном-Бартольди. И коль уж он хранил эту палочку как реликвию и даже завещал достойному наследнику, наверное, когда-то она принадлежала кому-то из великих немецких композиторов-дирижеров. Может, даже Бетховену?

В доме-музее хранятся еще две палочки. Одна, большая, украшенная золотом и бриллиантами, давно преподнесена Чайковскому зимой 1893 года на концерте Одесского от-

ле нарядную елку, под которой лежал этот подарок Юргенсона. На славу справился с поручением Петра Ивановича незаменимый Алексей Софронов, верный хранитель домашнего очага.

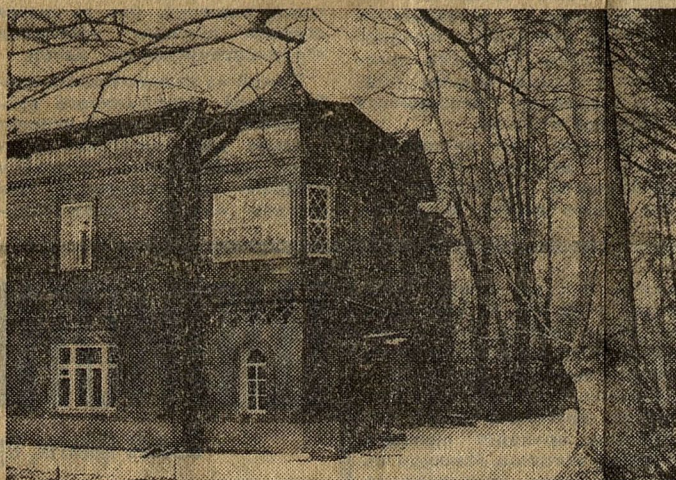
Рояль Чайковского... Он так и притягивает взоры посетителей дома-музея. Как будто он живой, этот старенький кабинетный «Беккер», хотя нынче его крышку открывают два раза в год: 7 мая, в день рождения композитора, и 25 октября, в день его кончины. Исключение делается лишь раз в четыре года, во время Конкурса имени Чайковского. В один из летних дней старый дом наполняется молодыми голосами тех, кто приехал со всего мира на состязание, посвященное имя великого русского композитора. Откинута

Но Чайковский еще встретится с ней, встретится через двадцать лет в Берлине. «Вчера был торжественный обед у Вольфа, — напишет он брату Модесту из Германии. — На нем была Арто. Я был невыразимо рад ее видеть. Мы немедленно подружались, не касаясь ни единым словом прошлого. Муж ее Падилла душил меня в своих объятиях. Послезавтра у нее большой обед. Старушка столь же очаровательна, сколько и двадцать лет тому назад». (Арто была на 5 лет старше Чайковского, значит, в ту пору ей было 53).

Над круглым маленьким столом в гостиной висят фотографии родных: большой портрет отца, человека мудрого, доброго, сумевшего подержать в трудную минуту в конце упавшего духом сына; фотография рано умершей матери, чей образ композитор пронесет через всю свою жизнь; карточки братьев-близнецов Модеста и Анатолія, снимок воткинских дома...

А над рабочим столом целая галерея портретов композиторов XIX столетия: Бетховен, Лист за фортепиано, Вагнер. И царит над всеми большой портрет Антона Рубинштейна, написанный с натуры художницей Марией Боне, учившейся вместе с Чайковским в Петербургской консерватории.

Своим рабочим местом Петр Ильич сделал тихую спальню. Вот здесь, за этим березовым столом, сколоченным майдановским столяром, написана Шестая симфония.

Под сенью старых лип

деления Русского музыкального общества. Она не годится для работы — это знак любви одесских музыкантов к гению Чайковского. А та палочка, которой дирижировал Чайковский, лежит среди его личных вещей — небольшая, черная, с костяным наконечником. Его он дирижировал в Петербурге Шестой симфонией и на своем последнем концерте 16 октября 1893 года...

Располагают к размышлению долгие зимние вечера. И хотя в Клину их проведено не так уж и много — Чайковский последние годы своей жизни часто путешествует, — здесь много прочитано, обдумано. В этих небольших шкафах в углу гостиной хранится около 1.000 томов. На полках многих книг рукой Чайковского сделаны пометки, наброски музыкальных тем. Со многими из русских писателей Чайковский связывал еще и творческие узы. Вот томик А. К. Толстого. Прочитав «Иоанна Дамаскина», композитор выбрал созвучные для себя строки — так родился романс «Благославляю вас, леса». А Пушкин читал и перечитывал Чайковским на протяжении всей жизни.

Среди собрания партитур и клавиров особое место занимает Моцарт — великолепное лейпцигское издание Брейткопфа и Гертеля, преподнесенное Петру Ильичу его издателем и другом Юргенсоном.

...Утром 26 декабря 1888 года Чайковский приехал домой (в ту пору он жил во Фроловском) и увидел в за-

крышку рояля, и в гостиной становится тесно от Его музыки — а здесь она звучит как-то по-особенному.

Вот на фотографии запечатлен сидящий за роялем еще совсем юный Ван Клиберн, а рядом с ним стоит племянник Чайковского, Юрий Львович Давыдов, сын горячо любимой сестры Саши. А вот над клавишами рояля склонился Михаил Плетнев, обладатель золотой медали последнего Конкурса имени Чайковского...

Задумчиво смотрит с портрета молодая женщина в темном бархатном платье. Это французская певица Дезире Арто, запорхнувшая в Москву с итальянской труппой Мерелли. Она очаровала Чайковского своим талантом, музыкальностью. Он влюбился сперва в ее голос, а потом...

Дезире — значит «желанная». Чайковский в ту пору было 28. Все еще только начиналось у него и в жизни, и в музыке. Но Желанная оказалась на редкость непостоянной. Клялась ему в вечной любви, а сама вышла в Варшаву замуж за певца-баритона Падилла. В день свадьбы Арто в консерваторию пришла телеграмма на имя Чайковского. Без подписи. Только сообщалось о случившемся.

«До какой степени смешна эта развязка...», — бросит в письме к брату Петр Ильич. И долгое время, потрясенный, будет хранить скорбное молчание. А спустя двадцать лет нареклет именем Дезире (случайно ли, умышленно) героя своего балета «Спящая красавица».

Из окна видны лишь облака да каемка заснеженных полей.

...Спускаюсь по лестнице на первый этаж и долго стою у окна в столовой. Буйно разрослись липы в парке, и теперь здесь всегда царит полумрак. Вытянулся и дуб, посаженный в 1958 году знаменитым американским дирижером Леопольдом Стоковским «как любовное подношение от любителей музыки всего мира».

Еще не отгремела гражданская война, как в 1921 году решением Совета Народных Комиссаров дом Чайковского становится государственной собственностью, и его двери широко распахиваются для посетителей со всего света. В общество друзей дома-музея входили и Ипполитов-Иванов, и Станиславский, и Нежданова, и верный Алексей Софронов (он умер в 1925 году в своем пятистенном домике на берегу реки Сестры).

Война коснулась своим черным крылом и этого запovedного уголка: три недели прожили фашистские оккупанты в доме Чайковского. Валились на снег разорванные ноты и книги, в гостиной хранились пьяные мотоциклисты, немецкий танк разрушил веранду и своротил кирпичные ворота усадьбы.

Все было восстановлено с огромной тщательностью и заботой...

...Сюда приходят все: и музыканты, и дети, делающие первые шаги на поприще музыки, и люди, далекие от нее. Их путь лежит через новый концертный зал, где можно послушать музыку Чайковского, познакомиться с высказываниями музыкантов всего мира о творчестве великого русского композитора. Но всех манит к себе небольшой уютный дом, спрятавшийся за ветками разросшегося яблоневое сада. Скорее туда, к крыльцу, на котором уже столько лет висит медная дощечка «Нет дома».

Наталья КАЛИНИНА.

Клин, Московская область.

● Государственный дом-музей Петра Ильича Чайковского в Клину.

● Кабинет-гостиная.

● Письменный стол композитора.

Фото Е. Халдея.

